

УДК 811.511.152

Л.П. Водясова

Вводные конструкции как средство реализации связности текста в прозе К.Г. Абрамова

Аннотация. В статье на материале произведений К.Г. Абрамова рассматривается роль вводных конструкций в соединении элементов текста. Она заключается в подчеркнутом выражении структурных и логико-смысловых отношений между отдельными компонентами, в осуществлении различных переходов, в смене аспекта повествования. Отношения, выражаемые вводными словами, накладываются на структурные связи (цепные, параллельные), играющие основную роль в соединении предложений.

Ключевые слова: текст, связность, вводная конструкция, средство связи, синонимия с союзами.

L.P. Vodyasova

Parenthetical constructions as a means of realization of the text cohesion in the prose of K.G. Abramov

Summary. The article deals with the role of parenthetical constructions in the connection of text elements based on the works by K.G. Abramov. This consists in emphasized expression of structural and logical-semantic relations between separate components, in various transitions, in change of aspect of the narration. The relations expressed by parentheses, are imposed on the structural links (chain, parallel), which play a major role in the connection of sentences.

Keywords: text, coherence, parenthetical construction, a means of connection, synonymy with conjunctions.

По господствующей в мордовском языкознании точке зрения, вводными «принято называть такие слова в составе предложения, которые, не являясь его членами, выражают модальные отношения, ссылку на чужое мнение или устанавливают последовательность развития мысли» [1, 245]. Вводными, как известно, могут быть не только слова, но и сочетания слов и предложения. В большинстве случаев средством их выражения выступают модальные слова. В.В. Виноградов подчеркивает: «Модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи» [2]. Его точка зрения поддерживается и учеными-финно-угроведами. Так, О.В. Анисимова, исследуя модальные слова

и словосочетания в современном марийском языке, отмечает: «Модальные слова выражают субъективное отношение к высказыванию говорящего с точки зрения объективной действительности» [3, 11]. А.Д. Каксин в своей монографии также подчеркивает, что основным средством выражения субъективно-модальных значений выступает «особый класс модальных слов» [4, 186]. Об этом же говорится в разделе о вводных и вставных конструкциях в учебнике «Мокшень кяль. Синтаксис» [5, 116]. С этой точкой зрения согласны и мы [6; 7; 8].

Как известно, вводные конструкции не связаны с другими словами в составе предложения ни порядком слов, ни по способу сочинительной или подчинительной связи. Формой их связи с остальным составом предложения служит особая вводная интонация. Таким

образом, эти конструкции являются синтаксически обособленными единицами в составе предложения.

Синтаксическая несвязанность вводных конструкций с членами предложения объясняется, на наш взгляд, их особой ролью в речи: их назначение, синтаксические функции – соединение законченных предложений в тексте, причем в последние годы происходит укрепление и расширение межфразовых позиций вводно-модальных компонентов, обусловленное непрерывным, живым процессом поиска письменной и устной речью своих приемов обозначения логико-смысловых отношений не только между частями отдельного предложения, осложненного или сложного, но и фрагментами текста.

Вводные конструкции (прежде всего, слова и словосочетания), выступая в качестве средства связи, становятся близки к союзам. Эту близость отмечали многие языковеды. Так, В.В. Виноградов пишет: «<...> наблюдается тесная связь и взаимодействие между союзами и модальными словами» [9, 85]. Он подчеркивает особую важность изучения таких слов, так как «различия в модальных значениях союзов играют большую роль в дифференциации разных типов сцепления или сочетания предложений, разных видов зависимости между ними» [9, 85–86]. Об этом же говорят в своих работах и некоторые другие ученые. А.Н. Гвоздев в частности отмечает: «Модальные слова логического характера, выражающие порядок и взаимоотношение мыслей: во-первых, во-вторых, наконец, значит, стало быть, итак, следовательно, вообще, главное, наоборот, кстати, впрочем, словом, например. Эта группа по своим функциям установления связей между мыслями близка к союзам <...>» [10, 411]. Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова также соглашаются с этой точкой зрения: «В некоторых случаях функция вводных слов близка к функции союзов (разделительных, противительных, присоединительных и др.)» [11, 46].

Любое грамматическое отношение – это в то же время и связь. Так, причинные отношения выражаются союзами причины, отношения уступки – уступительными союзами и т.д., т.е. любые отношения выражаются грам-

матически, часто с помощью служебных слов. «Отношение говорящего к высказываемой им мысли», «источник высказывания» [1, 245, 246; 12, 95] и т.д. – это тоже грамматические отношения, которые выражаются в речи вводными конструкциями.

Вводные конструкции – это особого рода союзы, которые выступают в качестве средств связи между независимыми компонентами. Но, как известно, по своему морфологическому выражению они в подавляющем большинстве соотносятся или с именами, или с глаголами, или с наречиями, при выполнении функции соединения самостоятельных предложений лексическое значение слов этих частей речи ослабевает, каждый из них в большей или меньшей степени начинает абстрагироваться.

Для вводных конструкций, выступающих в роли средств межфразовой связи, характерно положение в начале соединяемых предложений: Зярья шкань ютазь, сон таго вешинзе Танянь кедьстэ Пушкинэнь стихотвореният-нень. Ней ловнось эйсэст, мелень витезь. Окойники, чарькодизе Пушкинэнь шожда ды мазый келенть [13, 156]. «Через некоторое время он снова попросил у Тани стихи Пушкина. Теперь читал их с желанием. Наконец, понял легкий и красивый язык Пушкина»; Стяпаннэнь зярдояк эзь видневкшне сисем едаконь модазо: арасель лишме, эзь сатно видьметь. Моданть пелешканзо миилизе кодамояк сюпав азорнэнь, кадовиксэнтэ сокавтылизе ды видеветлизе чачк. Истямо ладсо, сонстензэ савиль модань ансяк нилеце пельксэсь [13, 5]. «Стяпан (Степан) никогда не мог засеять землю, данную на семерых едоков: не было лошади, не хватало семян. Примерно половину земли он продавал какому-нибудь богатею, остальное отдавал вспахать и засеять пополам. Таким образом, ему самому доставалась только четвертая часть земли». В последних двух ССЦ вводные слова окойники «наконец», истямо ладсо «таким образом» имеют итоговое значение, они логически оформляют концовку.

В рассмотренных примерах вводные слова выражают логические отношения между компонентами сложного синтаксического целого (ССЦ). Однако вообще же их роль шире и многообразнее. Они могут изменять модальный

план изложения и таким образом осуществлять соединение предложений, переключая повествование в план оценки, комментирования: Олдаень сась венчамо шказо. Тейтерентень эрявьс муемс мирде. Захаронь роботамонь коензэ Варка содасы, вельть тусь мелезэнзэ церась. Истямось а берянь саемс содамокскак. Нама, Захаронь коряс Олдай – тейтересь паро <...> [13, 11] «Олде (Евдокии) пришло время выходить замуж. Девушке нужно найти мужа. Рабочий норов Захара Варка (Варвара) знает, очень понравился ей парень. Такого и в зятя неплохо принять. Конечно, для Захара Олдай (Евдокия) – девушка слишком хорошая <...>»; Лиятненень Гостя кортась: «Тынь эно сельгень-сельгень каднодо, монстенъ а саты». – Тон эсь прят а маньясак!

Алкукскак, эсь прянзо Гостя эзизе маня [13, 13] «Другим Гостя (Костя) говорил: «Вы хоть по слюнке оставляйте, мне самому не достанется». – Ты себя не обманешь!

И на самом деле, себя Гостя (Костя) не обманул»; Ларька вакссо ашти низэ <...> Наймансо сонензэ мерить мазый Наста. Паряк, зярдояк ульнесь мазыйкскак, ней жо <...> [13, 19] «Рядом с Ларькой (Илларионом) сидит его жена <...> В Наймане ее называют красивой Настой (Настей). Может быть, когда-то и была красивой, теперь же <...>». Как видим, вводные слова нама «конечно», алкукскак «на самом деле», кроме функции соединения компонентов ССЦ в одно целое, выражают чувство уверенности по отношению к высказываемому, а вводное слово паряк «может быть», «возможно», напротив, – сомнение.

Доказательством того, что вводные конструкции и союзы близки по своей функции, служит то, что они часто выражают одинаковые синтаксические отношения.

Так, в прозе К.Г. Абрамова вводные слова и словосочетания типа ал-кукс(как) «(и) на самом деле», видестэ меремс «прямо (честно, откровенно) говоря», виде(як) «(и) вправду», лиякс меремс «иными словами», монь (эсь, тонь, сонзэ и т.п.) койсэ «по-моему (по-своему, по-твоему, по-нашему и т.п.)», койсэнъ (койсэть, койсэнзэ и т.п.) «по-моему (по-твоему, по-нашему и т.п.)», нама «конечно», койники «наконец» и некоторые другие служат для вы-

ражения соединительных отношений и близки к союзу ды «и»: Захар вельть лездаволь тензэ, ансяк кода сон максы лезкс, сонськак эри суюпавонь кедьсэ сиведезь. Видестэ меремс, секс сиведськак, хоть мейсэяк паролгавтомс лелянтэ уцясканзо [13, 10]. «Захар очень хотел бы помочь ему, только как он окажет помощь, и сам живет нанятым у богатого. Откровенно говоря, потому и нанялся, чтобы хоть как-нибудь улучшить долю старшего брата» (ср.: <...> ды секс сиведськак <...> «<...> и поэтому нанялся <...>»); <...> Ломантнедеяк кадовить аламо. Нама, знярояк саи тескенсетнень эйстэяк [14, 146]. «И людей остается мало. Конечно, сколько-нибудь возьмет и из местных» (ср.: <...> ды знярояк саи тескенсетнень эйстэяк <...> «<...> и сколько-нибудь возьмет и из местных <...>»); Чокшненьпромковсон[Захар]сась. Алкукскак, тейтертнень ютксто неизе Олдань [13, 118]. «На вечернее собрание он [Захар] пришел. Действительно, среди девушек увидел Олду (Евдокию)» (ср.: <...> ды тейтертнень ютксто неизе <...> «<...> и среди девушек увидел <...>»); Мезе ули седе паро, ледстнематнеде башка? Монь койсэ, мезеяк арась [15, 54]. «Что есть лучше воспоминаний? По-моему, ничего нет» (ср.: <...> ды мезеяк арась <...> «<...> да ничего нет»).

Вводное слово нама «конечно» автор использует для выражения противительных отношений: Сыре мурзантъ, Боляень, модазо ведьгемень десятина. Нама, аволь весе сокамо мода, эйстэнзэ ули тикше алояк [14, 11]. «У старого мурзы, Боляя, земли с пятьдесят десятин. Конечно, не вся пахотная, есть и под травой» (ср.: <...> модазо ведьгемень десятина, но аволь весе сокамо мода <...> «земли с пятьдесят десятин, но не вся пахотная <...>», а также уступительных: Татьяна Михайловнанень сась мель сезнемс Захаронь вастомантень цеця пусмо <...> Нама, неть ульнеть а тундонь цецят, но сынъ ялатеке мазыельть [16, 7]. «Татьяне Михайловне пришла мысль нарвать букет цветов к встрече с Захаром <...> Конечно, это были не весенние цветы, но они все равно были красивыми» (ср.: <...> куш неть ульнеть а тундонь цецят, но сынъ ялатеке мазыельть «<...> хоть это были не весенние цветы, но они все равно были красивыми»).

Вводное слово паряк «может быть», «возможно» может служить для выражения различных отношений:

а) соединительных. В этом случае оно близко союзу ды «и»: Сон [Любаша], окойники, чарькодсь тейтерьксчинзэ прядомантень. Паряк, чарькодевель седе икелеяк, улевельгак вакссонзо превень путьца сыре ава [15, 38]. «Она [Любаша], наконец, догадалась о конце [своего] девичества. Может, догадалась бы раньше, если бы рядом с ней была дающая советы пожилая женщина» (ср.: <...> ды чарькодевель седе икелеяк <...> «<...> и догадалась бы раньше <...>»);

б) противительных. В этом случае вводное слово паряк «может быть», «возможно» синонимично противительному союзу но: Мезе теят, коли эзь ладяво зрямось Владлен марто. Паряк, цератне аволь весе сонзэ кондят, вастови седе вадряк [15, 54]. «Что поделаешь, если не сложилась жизнь с Владленом. Может быть, не все мужчины похожи на него, встретится и получше» (ср.: <...> но цератне аволь весе сонзэ кондят <...> «<...> но не все мужчины похожи на него <...>»);

в) разделительных. Вводное слово паряк «может быть», «возможно» близко к союзу или: – Ков емсить? Туить апак ужина. Монь эйсэяк те шкас кирдят вачодо. – Паряк, кшинть мартон сайния, – пейдезь мерсь Захар [16, 34]. «– Куда пропал? Ушел без ужина. И меня до сих пор держишь голодной. – Может, хлеб с собой забирал, – со смехом сказал Захар (ср.: <...> или кшинть мартон сайния <...> «<...> или хлеб с собой забирал <...>»);

г) причинных. Вводное слово паряк «может быть», «возможно» близко к союзу причины секс мекс (што) «потому что»: Гарузов радovasь Зинань самонтень. Паряк, хоть сонзэ марто ютавтсы тошнанзо [17, 397]. «Гарузов обрадовался приходу Зины. Может, хоть с ней развеет (букв. проведет) свою тоску» (ср.: <...> секс мекс хоть сонзэ марто <...> «<...> потому что хоть с ней <...>»).

Вводное слово нать «знать», «значит» служит для выражения разделительных отношений: Сельгть те азоронтъ лангс, тонеть ней эстетъ азоркс улема. Нать, пингеть перть кармат тензэ уцянь мендямо? [13, 14] «Плюнь на

этого хозяина, тебе теперь самому хозяином надо быть. Знать, всю жизнь на него будешь хребет ломать?» (ср.: <...> или пингеть перть <...> «<...> или всю жизнь <...>»).

Вводные слова улема «по всей видимости», «возможно», содазь «известно», «понятно» по своей функции близки к причинному союзу секс мекс (што) «потому что»: Захар те шкастонть кайсесь вановтонзо тейтерентъ эчкине рунгова, неинзе пижень суркссо недязь суронзо. Сынъ ульнестъ нурькинеть ды эчкть, вить пелька кенжесь раужоль. Улема, селговкшнось эли мейсэяк вачкодевсь [13, 14]. «Захар в это время бросал свой взгляд на полноватую фигуру девушки, увидел ее унизанные медными кольцами пальцы. Они были короткие и толстые, ноготь большого пальца был черным. По всей видимости, был прищемлен дверью или чем-то пристукнут» (ср.: <...> секс мекс селговкшнось <...> «<...> потому что был прищемлен <...>»).

Хотя вводное слово нама «конечно» и выполняет функции уступительного союза куш «хоть», а вводные слова паряк «может быть», «возможно», улема «по всей видимости», «возможно», содазь «известно», «понятно» – функции союза причины секс мекс (што) «потому что» и т.д., они все равно употребляются в начале предложений – компонентов ССЦ, тогда как синонимичные им союзы – только в придаточной части сложноподчиненных предложений.

Мы рассмотрели только наиболее используемые писателем вводные конструкции и те синтаксические отношения, которые они могут выполнять в значении различных союзов. В тексте, как это часто бывает, их роль, функции намного шире и многообразнее, обнаруживается их синонимичность и с другими союзами.

Далее следует отметить и тот факт, что хотя роль вводных слов и словосочетаний в соединении компонентов ССЦ и весьма значительна, их нельзя считать единственным и тем более главным средством связи. Они лишь подчеркивают, усиливают структурные связи между смежными предложениями. Так, практически во всех приведенных выше примерах можно опустить вводные слова, связь

же между предложениями сохранится. Однако использование подобных конструкций усиливает эту связь, внося дополнительные оттенки. Их роль в ССЦ заключается в подчеркнутом выражении структурных и логико-смысловых отношений между отдельными компонентами, в осуществлении различных переходов, в смене аспекта повествования. Отношения, выражаемые вводными словами, как бы накладываются на структурные связи (цепные, параллельные), играющие основную роль в соединении предложений.

Анализ текстов К.Г. Абрамова показал, что писатель чаще использует следующие группы вводных конструкций: а) выражающие достоверность, несомненность сообщения, его соответствие фактам действительности:

ал-кукс(как) «(и) на самом деле», видьстэ (видестэ) меремс «откровенно говоря», «на

самом деле», нама «конечно»; б) выражающие вывод, итог, обобщение, следствие: истя «так», истямо ладсо «таким образом»; в) указывающие на порядок мыслей или последовательность их расположения: васня(як) «прежде (всего)», окойники «наконец»; г) выражающие пояснение, уточнение, выделение частного случая: ве валсо меремс «одним словом», лиякс меремс «иными словами»; д) выражающие ссылку на источник мысли или на сказанное ранее: валонзо коряс «по его (ее) словам», кода содасынек «как известно», монь (минек) койсэ «по-моему (по-нашему)» и др. С помощью вводных конструкций автор выражает частные значения текстовых категорий: значение координации (васня(як) «прежде (всего)», истя «так», истямо ладсо «таким образом» и др.), значение ретроспекции (кода несынек «как видим», кода содасынек «как известно» и др.).

Литература

1. Коляденков М.Н. Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 2. Синтаксис. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1954. 326 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове [Электронный ресурс] // URL: biblioteka.cc > topic... grammaticeskoe-uchenie... slove... (дата обращения: 26.06.2013).
3. Анисимова О.В. Модальные слова и словосочетания в современном марийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2007. 21 с.
4. Каксин А.Д. Модальность и средства ее выражения в хантыйском языке: монография. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. 328 с.
5. Мокшень кяль. Синтаксис: учебник / аноклаф-тиф Н.С. Алямкинонь и О.Е. Поляко-вонь вятемоснон ала. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 200 с. Мордов.-мокша яз.
6. Водясова Л.П. Вводные слова как средство связи компонентов сложного синтаксического целого в современном эрзянском языке // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: межвуз. сб. науч. тр. / Удм. гос. ун-т; каф. удм. яз. и мет. его препод. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. С. 157–167.
7. Водясова Л.П. Средства создания связности текста в современном эрзянском языке / Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2012. 228 с.
8. Водясова Л.П. Интеграция функционального и прагматического аспектов // Вестник угроведения: науч.-теор. и метод. журн. – 2012. – № 4 (11). – С. 22–29.
9. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах // Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М.: Высш. шк., 1975. С. 85–88.
10. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. 6-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2009. 472 с.
11. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1972. 495 с.
12. Правила морфологии, орфографии, синтаксиса и пунктуации мордовских языков / под ред. И.С. Бузакова и П.Г. Матюшкина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1977. 239 с.
13. Абрамов К.Г. Исяк якинь Найманов = Вчера ходил в Найманы: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 318 с. Мордов.-эрзя яз.

14. Абрамов К.Г. Олячинть кисэ: Степан Разинэнь шкадо евтнема = За волю: сказание о временах Степана Разина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. 416 с. Мордов.-эрзя яз.
15. Абрамов К.Г. Нурька морот = Короткие песни: рассказы и пьесы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1974. 420 с. Мордов.-эрзя яз.
16. Абрамов К.Г. Ломантне теевсть малацекс = Люди стали близкими: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. 428 с. Мордов.-эрзя яз.
17. Абрамов К.Г. Качамонь пачк = Сквозь дым: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. 556 с. Мордов.-эрзя яз.

References

1. Koljadenkov M.N. Grammatika mordovskih (mokshanskogo i jertzjanskogo) jazykov. Ch. 2. Sintaksis. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1954. 326 s.
2. Vinogradov V.V. Russkij jazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove [Jelektronnyj resurs] // URL: biblioteka. cc> topic... grammaticeskoe-uchenie... slove... (data obrashhenija: 26.06.2013).
3. Anisimova O.V. Modal'nye slova i slovosochetaniya v sovremennom marijskom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Joshkar-Ola, 2007. 21 s.
4. Kaksin A.D. Modal'nost' i sredstva ee vyrazhenija v hantyjskom jazyke: monografija. Hanty-Mansijsk: Poligrafist, 2008. 328 s.
5. Mokshen' kjal'. Sintaksis: uchebnik / anoklaf-tif N.S. Aljamkinon' i O.E. Poljakovon' vjatesmosnon ala. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2008. 200 s. Mordov.-moksha jaz.
6. Vodjasova L.P. Vvodnye slova kak sredstvo svjazi komponentov slozhnogo sintaksicheskogo celogo v sovremennom jertzjanskom jazyke // Permistika 9: Voprosy permskoj i finno-ugorskoj filologii: mezhvuz. sb. nauch. tr. / Udm. gos. un-t; kaf. udm. jaz. i met. ego prepod. Izevsk: Izd. dom «Udmurtskij universitet», 2002. S. 157–167.
7. Vodjasova L.P. Sredstva sozdaniya svjaznosti teksta v sovremennom jertzjanskom jazyke / Mordov. gos. ped. in-t. Saransk, 2012. 228 s.
8. Vodjasova L.P. Integracija funkcional'nogo i pragmaticheskogo aspektov // Vestnik Ugrovedenija: nauch.-teor. i metod. zhurn. – 2012. – № 4 (11). – S. 22–29.
9. Vinogradov V.V. O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah // Izbr. trudy: Issledovanija po russkoj grammatike. M.: Vyssh. shk., 1975. S. 85–88.
10. Gvozdev A.N. Sovremennij russkij literaturnyj jazyk. Ch. 1. Fonetika i morfologija. 6-e izd., ispr. i dop. M.: Editorial URSS, 2009. 472 s.
11. Rozental' D.Je., Telenkova M.A. Spravochnik lingvisticheskikh terminov: posobie dlja uchitelja. M.: Prosveshhenie, 1972. 495 s.
12. Pravila morfologii, orfografii, sintaksisa i punktuacii mordovskih jazykov / pod red. I.S. Buzakova i P.G. Matjushkina. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1977. 239 s.
13. Abramov K.G. Isjak jakin' Najmanov = Vchera hodil v Najmany: roman. Saransk: Mor-dov. kn. izd-vo, 1987. 318 s. Mordov.-jertzja jaz.
14. Abramov K.G. Oljachint' kisje: Stepan Razinjen' shkado evtnema = Za volju: skazanie o vremenaх Stepana Razina. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1989. 416 s. Mordov.-jertzja jaz.
15. Abramov K.G. Nur'ka morot = Kороткие песни: rasskazy i p'esy. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1974. 420 s. Mordov.-jertzja jaz.
16. Abramov K.G. Lomantne teevst' malaceks = Ljudi stali blizkimi: roman. Sa-ransk: Mor-dov. kn. izd-vo, 1961. 428 s. Mordov.-jertzja jaz.
17. Abramov K.G. Kachamon' pachk = Skvoz' dym: roman. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1964. 556 s. Mordov.-jertzja jaz.